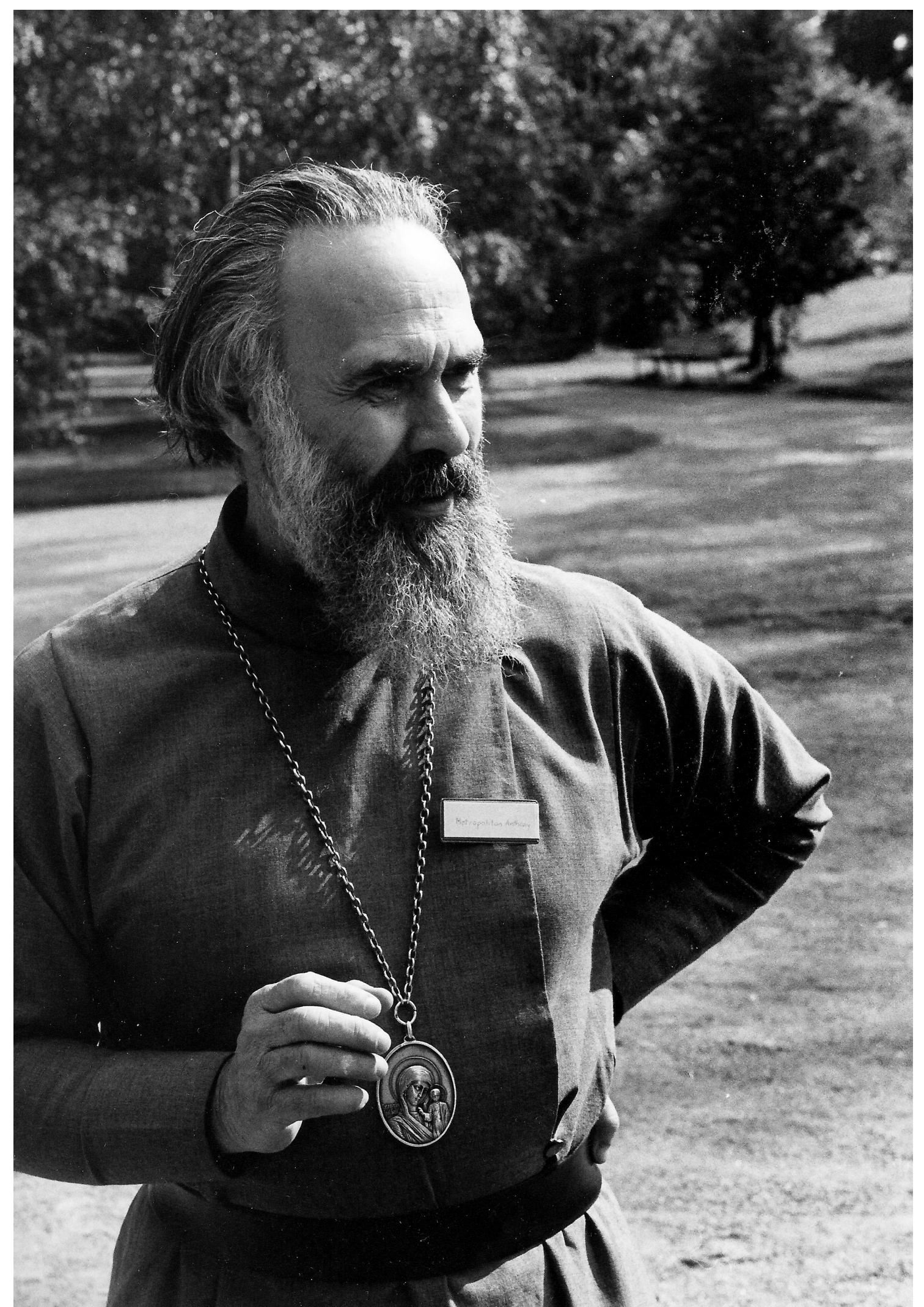
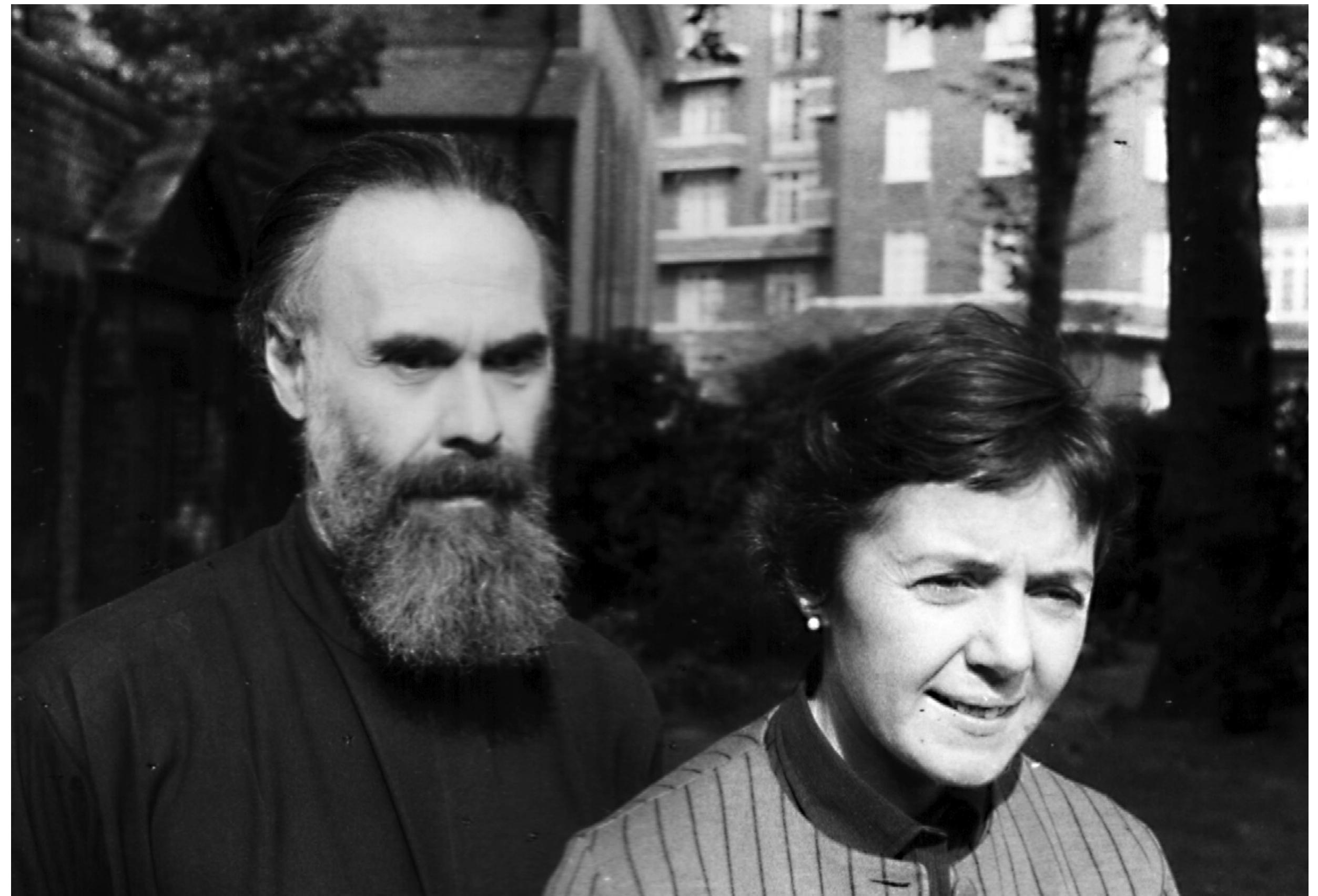

Церкви есть иное, чем с точки зрения мира, видение – видение Божие. Если в пределах этого церковного видения у нас нет собственного, личного видения – хотя бы верой, уверенностью нашей, коренящейся в Боге, то мы не способны видеть больше, чем видит мир. Если мы видим только очевидное, то каждая Евхаристия, которую мы совершаем, была бы чуть ли не кощунством, богохульством, оскорблением всему страданию мира, всей трагедии мира, потому что самое слово «евхаристия» с его двойственным значением в греческом языке – самый чудесный дар и, одновременно, благодарение – было бы невозможно в значении акта благодарения перед лицом того, что мы видим. Мне кажется, Церковь может сказать: благодарим Тебя, Господи, за все, что Ты творишь! – только если она совершенно реально, верой и внутренним опытом, уже видит свершение, завершение всего, если уже теперь мы можем сказать вместе с мучениками, которые восстанут из мертвых в день Суда, как это видно в книге Откровения: Ты был прав, Господи, во всех путях Твоих (Откр 15:3). Если мы не видим уже теперь завершения всего в Боге, если мы видим только ряд событий, страдание, ужас, зло настоящего времени, мы не можем принести акт благодарения, совершив Евхаристию.

Есть персидская история о поэте по имени Меджнун, который написал множество стихов о несравнимой красоте своей жены Лейлы. и эти стихи были так прекрасны и убедительны, что шах призвал Меджнуна и сказал: «Я хочу увидеть твою жену! Я – шах, и я вправе повелеть ей снять паранджу!» Жена Меджнуна пришла и сняла паранджу, и шах в ужасе содрогнулся, потому что у нее был нос верблюда, уши слона и так далее. и шах сказал: «Меджнун, как ты можешь говорить о красоте этой женщины? Лейла отвратительна!» и Меджнун ответил: «Чтобы увидеть красоту Лейлы, нужно иметь глаза Меджнуна». Каждый из нас должен смотреть глазами Меджнуна на других людей, на окружающий нас мир в его уродстве; потому что мир по своей природе, сам по себе, не уродлив – он искален в результате человеческого греха. Мы были призваны вести этот мир от состояния невинности и чистоты в состояние приобщенности к Богу, сообщить миру то измерение, которое, как нам сказано, он должен обрести, превратившись в ризу Божества, когда Бог будет все во всем (1 Кор. 12:28).

Митрополит Антоний Сурожский

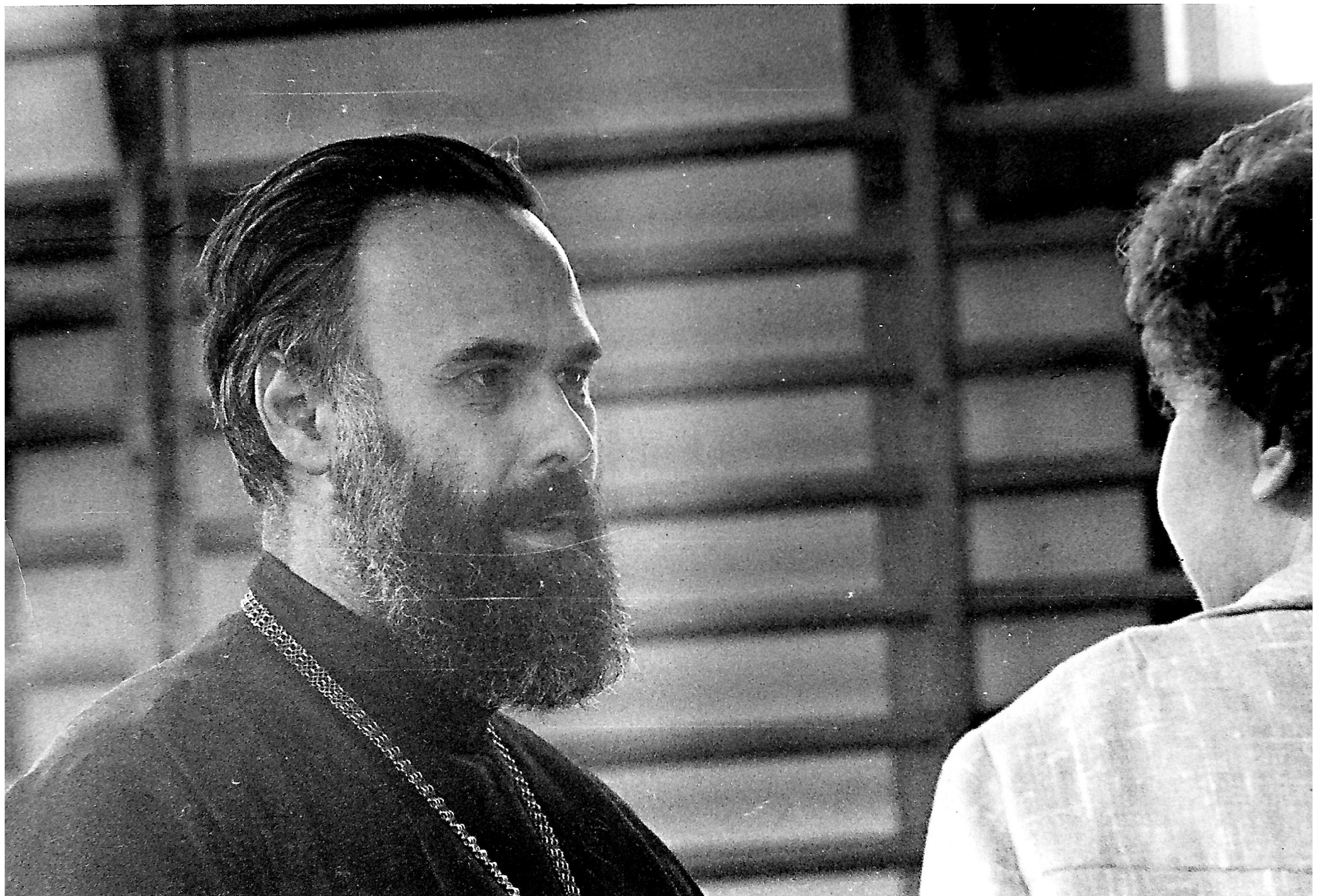
Слова так часто служат ширмой и только приоткрывают нам смысл того, что человек хотел бы сказать, того крика души, который он не умеет выразить и который до нас не доходит. За словами мысль стоит, за мыслью — чувство, а за всем этим — просто весь человек. Есть стихотворение немецкой писательницы Марии Эшенбах, она спрашивает: что есть такое в малой песенке, что ее можно так любить? что же в ней, скажи! и ответ: в ней заложено немного гармонии, немного звучности и целая душа... и вот во всем, что говорит человек, даже в самом обыкновенном, может открыться душа, если мы только сумеем пройти через слова насквозь, если научимся тому, что слова бывают или могут стать прозрачными и что за этими словами мы можем видеть, как через окно, одну даль за другой, одну глубину за другой. и тогда бывает встреча. Но опять-таки, как я уже сказал, мы этого боимся, и для того, чтобы встретиться, надо быть готовым к тому, что всякая встреча может обойтись нам болью или такой раздирающей душу радостью, которую трудно пережить.

Митрополит Антоний Сурожский

Ибо теперь мы видим гадательно в зеркале, тогда же — лицом к лицу; теперь я знаю отчасти, тогда же познаю подобно тому, как и я был познан.

1 послание к Коринфянам

Почему же бывает, что мы не можем встретиться? Отчасти потому, что мы не ищем встречи, отчасти, потому что мы домогаемся встречи. Мы ее часто не ищем и потому не умеем смотреть, не умеем слушать. Мы выбираем: на кого мы смотрим, а по кому, кто нам неинтересен, лишь скользнет наш взор; мы выбираем: что, кого мы будем слушать, а кого не станем слушать. Или наоборот: мы хотим встречи, но вместо того чтобы открыться и ждать этой встречи, мы стараемся вторгаться в человека, и человек закрывается, потому что встреча всегда страшная. Встретиться — это значит встретиться навсегда, встреча — значит встретиться на такой глубине, где два бытия уже переплетутся в общую ответственность, этого не забыть, от этого не уйти. Встретиться страшно — и мы закрываемся, потому что так часто бывает больно от встречи и больно, когда встреча кончается крушением человеческих отношений.

Митрополит Антоний Сурожский

Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и исполняется на них пророчество Исаии, которое говорит: «Слухом будете слышать, и не уразумеете; и глазами глядеть будете, и не увидите; ибо ожирело сердце народа этого, и ушами они едва слышат, и глаза свои они закрыли, чтобы не увидеть глазами и ушами не услышать и сердцем не уразуметь и не обратиться. и Я исцелю их».

Евангелие от Луки

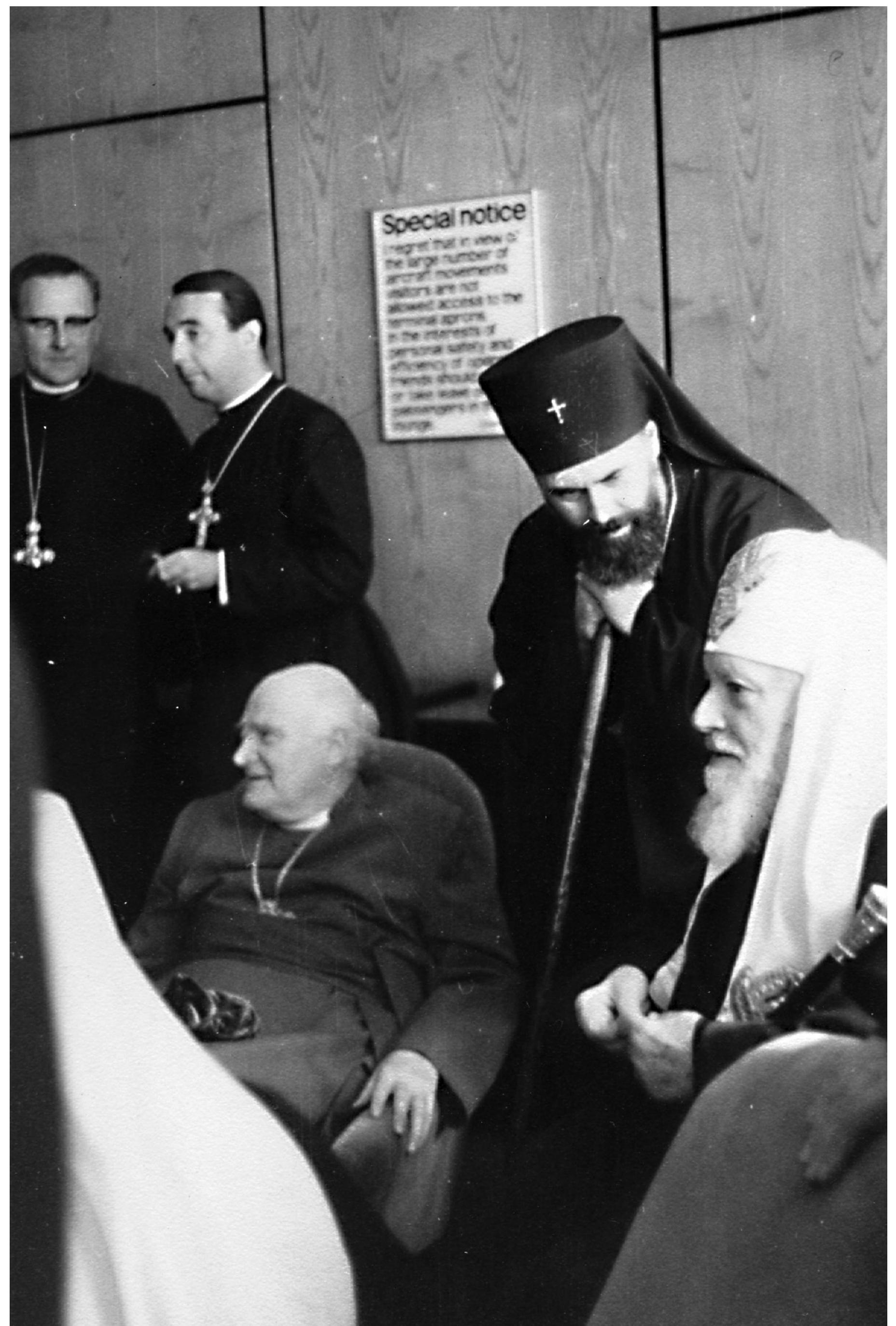
Перед нами человек, и он нам приносит или радость, которую мы можем разделить, или горе, которое мы можем разделить, и мы должны быть готовы разделить и то, и другое, перелить из собственной души в другую — кровь, жизнь. Русская пословица говорит: где есть любовь, там радость вдвое, а горе — пополам. Вот так надо жить — но это страшно, это опасно. Мы должны быть готовы преодолеть страх и встретить опасность; и преодолеть то и другое мы можем, только отказавшись от самих себя: отойди с моего пути, ты — трус, ты себялюбец, ты сластолюбец, ты, который думаешь о себе самом, — отойди, не закрывай мне возможность видеть, слышать и соучаствовать.

Митрополит Антоний Сурожский

Мне кажется, что Церковь — это место, где люди могут выразить свою связь с Богом вместе, в порядке общей веры, общей молитвы, сознания, что они едины, что они составляют один живой организм, как бы одну личность во множестве лиц. Это первое. Сознание, что мы можем говорить с Богом не «Ты и я», а вместе сказать: «Отче наш», охватив и других людей чувством любви, чувством уважения, и еще, может быть, очень сильным и очень важным чувством взаимной ответственности. Ведь если бы мы все были людьми замечательными, выдающимися, не представляющими никогда проблемы друг для друга, такая совместность была бы просто гармонией, радостью, чем-то вроде музыкальной симфонии. Но в нашей совместности есть трагический момент, потому что мы все друг для друга трудны. Трудны, потому что мы не одного уровня духовного, трудны, потому что мы в состоянии борения и борьбы, которую несем ради того, чтобы вырасти в полную меру своей личности, то есть стать самими собой до предела, какими Бог нас возмечтал и какими мы хотим стать. в этом процессе мы переходим не только от победы к победе, но часто от поражения к поражению, у нас бывают взлеты, у нас бывают провалы, у нас бывают моменты, когда мы себе и другим делаемся невыносимы. В этой церковной совместности есть очень ценный для меня момент — это принятие другого, не тогда когда все хорошо, а когда все плохо. Апостол Павел это определял: Друг друга тяготы носите, и прибавил: и так вы исполните закон Христов (Гал 6:2). Вот эта готовность не только дорогого, любимого, знаемого, но всякого, кто вдруг тут окажется, воспринять, принять как своего брата, готовность понести всю тяжесть его личности, всю его неустойчивость, всю трагедию его становления, все его житейские и духовные трудности, мне кажется, представляет сердцевину церковной жизни.

В этом смысле церковная жизнь — не праздник. Она является праздником, только если понять, что два человека, или сто, или тысяча человек, которые берут на свои плечи взаимные тяжести, взаимные трагедии, действитель но вступают в пир любви, в чудо любви, в такое взаимное отношение, что самое мучительное вдруг оказывается осмысленным, значительным, таким, что можно это нести, потому что оно делается вместе и с вдохновением. в этом отношении Церковь для каждого из нас может иметь двойное значение. с одной стороны, она меня несет, как поток несет щепку, с другой стороны, я сознаю, что я не только щепка, которую уносит поток, но что я тоже кого-то несу на плечах, даже человека, о котором я мало что знаю или ничего не знаю. Все мы знаем, какое значение имеет, например, взгляд, который на нас как будто случайно бросил другой человек: он меня увидел, он в моих глазах прочел горе или смятение и улыбнулся, — это уже многое.

Когда я говорю о послушании, я именно говорю не о том, чтобы раболепно исполнять те или другие правила жизни, а о том, чтобы вслушиваться. Слово «послушание» от слова «слушать». Отношения наставника и ученика именно в том заключаются, что ученик вслушивается в своего наставника — не только просто и формально в его слова, а старается проникнуть в мысли, в опыт, в понимание, в знание, в чувство, которыми продиктованы те или другие его слова. и благодаря этому человек может как бы постепенно перерести свой опыт и приобщиться опыту своего наставника.

Митрополит Антоний Сурожский

Совершенно определенно мы уходим в мир безответственной молитвы, вместо того чтобы осознать, что, если я сказал Богу: «Вот нужда — помоги!», я не должен ждать откровения, а должен быть готов услышать внутри себя ответ Божий: «Ты заметил эту нужду — так пойди, займись ею.

Митрополит Антоний Сурожский

Ибо временная легкая скорбь производит для нас в безмерном преизбытке вечное богатство славы: мы смотрим не на видимое, а на невидимое. Ибо видимое кратковременно, а невидимоеечно.

2 послание к Коринфянам

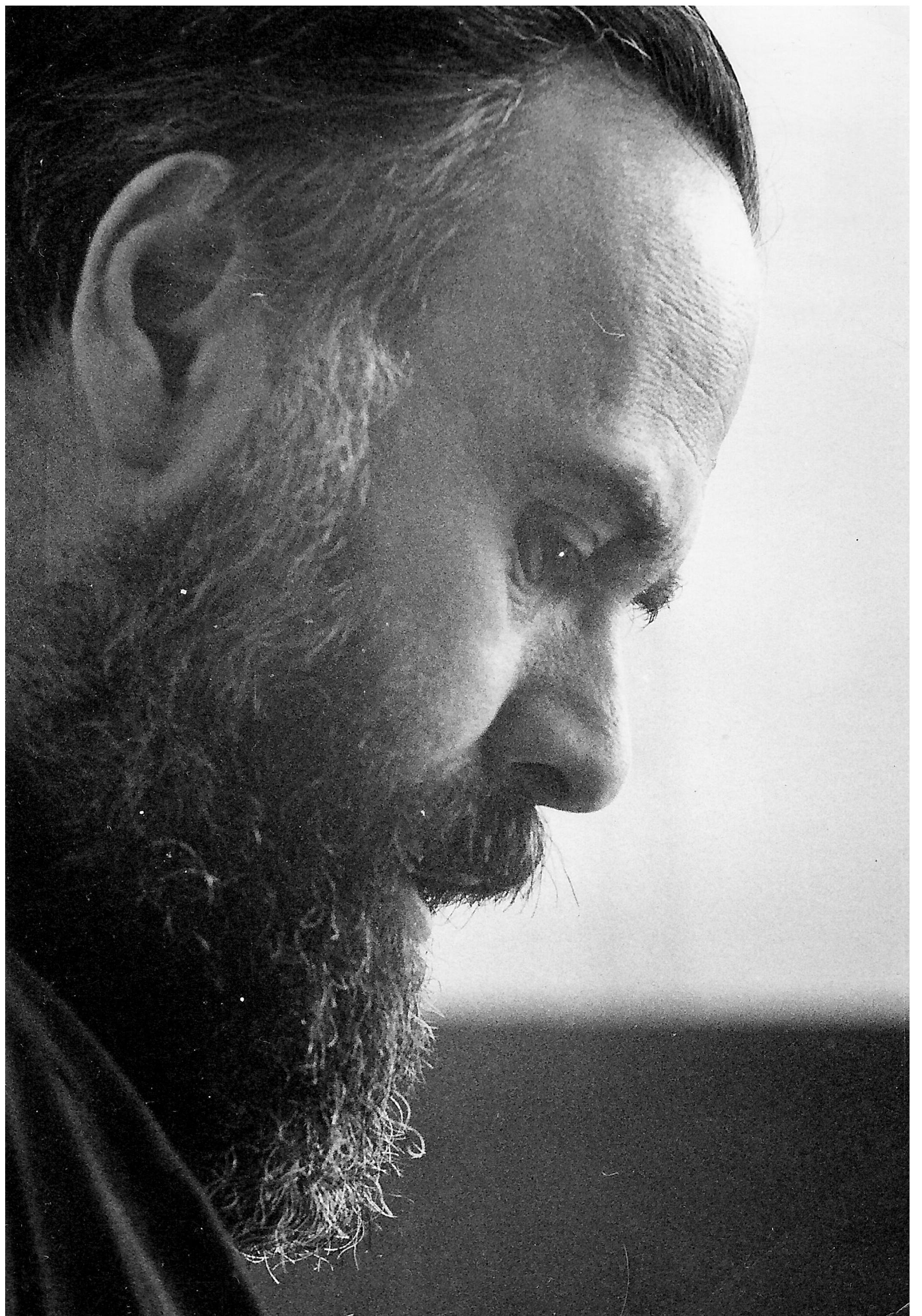

Пока мы пребываем в неведении, ничего не спрашивается с нас, но как только мы что-то узнали, мы отвечаем за то, как употребляем свое знание. Пусть оно дано нам в дар, но мы ответственны за каждую частицу истины, нами узнанную, и как только она становится нашей собственной, мы не можем оставлять ее бездейственной, но должны проявлять ее в своем поведении. и в этом смысле от нас требуется ответ за всякую истину, нами понятую.

Митрополит Антоний Сурожский

И сказал Иисус: на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели и видящие стали слепы. Услышали это те из фарисеев, которые были с Ним, и сказали Ему: неужели и мы слепы? Сказал им Иисус: если бы вы были слепы, не имели бы греха. Ныне же вы говорите: мы видим. Грех ваш пребывает.

Евангелие от Иоанна

Если поставить перед собой вопрос, чем я могу сдаться христианином (потому что приходится делаться христианином на каждом шагу жизни), то прочтите Евангелие быстро, просто, как читаешь любую повесть, и отмечайте те места, которые дойдут до души, от которых вдруг встрепенется сердце и станет ясно в уме. Скажите: вот здесь я встретил Христа, мне это надо запомнить и никогда этого не нарушать, потому что здесь я уже в образ Христов.

Митрополит Антоний Сурожский

Итак, снова говорил им Иисус: Я — свет миру. Тот, кто следует за Мною, не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни.

Евангелие от Иоанна